

Право на дерогацию*

Муаед Лялюевич Хабачиров

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия,
muaed@rambler.ru

Аннотация. В статье на системной основе излагаются возможные конвенционные и иные нормативные случаи и условия применения дерогационных мер, предусмотренных основными международными договорами о правах человека и Конституцией Российской Федерации. Автор отмечает, что международные договоры о правах человека разрешают государствам-участникам вводить при определенных условиях правовые нормы, ограничивающие применение некоторых прав, а также в случае возникновения на их территории чрезвычайных обстоятельств, отступать от выполнения взятых на себя международных обязательств по защите прав человека и основных свобод и приостанавливать действие их национального законодательства в этой области. Дерогационные меры принимаются только в той степени, в какой этой необходимо государству в интересах его безопасности, но они не должны противоречить обязательствам, вытекающим из общего международного права. В статье констатируется, что для современного развития России толкование норм международного права на дерогацию, применяемые в нем основания и пределы ограничения прав имеет большое юридическое и практическое значение. В случае введения в стране или отдельных ее регионах чрезвычайного положения защита прав человека, пусть с некоторыми изъятиями, диктуемыми особыми обстоятельствами, все равно относится к числу международных обязательств государства.

Ключевые слова: дерогация, международное право, права человека, правовые нормы, Конституция РФ, дерогационные меры

Для цитирования: Хабачиров М. Л. Право на дерогацию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 92–101. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-92-101>. EDN OUGPDA

Problems of Constitutional, Administrative and International Law

Original article

The right to derogation*

Muaed L. Khabachirov

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik, Russia,
muaed@rambler.ru

Abstract. The article systematically outlines possible conventional and other normative cases and conditions for the application of derogatory measures provided for by the main international human rights treaties and the Constitution of the Russian Federation. The author notes that international human rights treaties allow States parties to introduce, under certain conditions, legal norms restricting the application of certain rights, as well as in the event of emergency circumstances on their territory, to deviate from fulfilling their international obligations to protect human rights and fundamental freedoms and suspend their national legislation in this area. Derogatory measures are taken only to the extent necessary for the State in the interests of its security, but they should not contradict obligations arising from general international

* Дерогация – отступление от взятых обязательств по соблюдению прав.

Derogation is a deviation from the obligations assumed to respect rights.

law. The article states that for the modern development of Russia, the interpretation of the norms of international law on derogation, the grounds used in it and the limits of limitation of rights are of great legal and practical importance. In the event of a state of emergency in a country or in some of its regions, the protection of human rights, albeit with some exceptions dictated by special circumstances, is still among the international obligations of the State.

Keywords: derogation, international law, human rights, legal norms, the Constitution of the Russian Federation, derogation measures

For citation: Khabachirov M. L. The right to derogation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):92–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-92-101>. EDN OUGPDA

Современная политическая обстановка характеризуется крайней напряженностью в различных регионах и государствах мира. Государства все чаще прибегают к ограничительным мерам в отношении своего населения внутри государства и применению вооруженной силы во взаимоотношениях на международной арене, практически не обращая внимания на свои формальные обязательства не делать этого по существующим международным стандартам обеспечения прав человека и гражданина, а также принципам неприменения силы и угрозы силой, а просто исходя из практической необходимости. И хотя, при этом, чаще всего не оперируют понятием «дерогация», мы имеем дело именно с этим «явлением» (правовым институтом), который в принципе давно знаком и международному праву и внутригосударственному праву [1, с. 18].

Очевидно, что сегодня проблематика обеспечения безопасности занимает едва ли не главное место в современной национальной и международной действительности едва ли не каждого государства.

Вместе с тем, ее реальное практическое обеспечение, то есть установление эффективного контроля над состоянием защищенности от рисков и угроз различного характера является обязанностью и прерогативой государства, в чьи функции входит обеспечение внутренней и внешней национальной безопасности. «Государство, не дающее гражданам ничего, даже безопасности, – писал в начале прошлого века А. Д. Градовский, – несомненно, вызовет сначала равнодушие, потом вражду народа; оно разложится и погибнет или от внешнего врага, поддерживаемого апатией масс, или внутренних раздоров» [2, с. 31]. То есть безопасность – это то минимальное и, в тоже время, основное состояние при котором, государству (как властной структуре, обладающей суверенными полномочиями решать вопросы организации общества в масштабах страны, определять ее отношения с внешним миром) может быть обеспечена действительная легитимность, без наличия которой не может идти речи об эффективном правовом, демократическом, социальном государстве.

Вместе с тем, деятельность по обеспечению безопасности не может иметь абсолютный неограниченный (не регламентируемый) характер. Такая деятельность «по установлению состояния защищенности от рисков и угроз» связана с некими ограничениями гарантированных, как нормами позитивного, так и частично, нормами естественного права, прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, проблема установления эффективного контроля над существующими рисками и угрозами переплетается с другой обязанностью государства – обеспечению прав и свобод гражданам (другим лицам) в соответствии с взятыми на себя международными обязательствами и нормами национального права.

При этом, необходимым является нахождение баланса: между достаточностью мер по установлению эффективного контроля над рисками и угрозами обществу, государству и личности и тем до каких пределов общество готово поступиться своими правами и свободами. Причем, в такой постановке вопроса, правовая составляющая, является базовой, без нахождения и эффективного формулирования которой невозможно говорить о цивилизованном государстве, а также о соблюдении государством взятых на себя международных обязательств по гарантированию гражданам соблюдение существующих стандартов в области прав человека.

Термин дерогация (лат. *derogatio*) в словарях определяется как частичная отмена старого закона¹. С этим термином тесно связан и такой термин как аброгация (лат. *abrogatio*), отмена устаревшего закона либо в силу его бесполезности, либо если он противоречит духу и нравам времени. Аброгация объявляется новым законом. Термин «аброгация» заимствован из римского права. Различают: собственно аброгацию – полную отмену старого закона новым, дерогацию – частичную отмену старого закона, оброгацию – внесение необходимых изменений в старый закон и суброгацию – дополнение старого закона.

В сегодняшних реалиях идет активный процесс обновления российского законодательства, касаемого прав и свобод человека и гражданина. При этом, процесс этот подчас идет с очень «большой скоростью» в целях, на взгляд авторов таких инициатив, «предупредить», «не допустить», «ликвидировать» и т.д. негативное развитие ситуации в виде возникающих рисков и угроз для безопасности государства, общества и личности, без оглядки на существующие нормы приоритета (конституционные положения), а также международные обязательства России. Такими угрозами часто выступают экстремистские и террористические угрозы, а часто, и иные угрозы, но по прогнозируемым последствиям влияния на безопасность государства и общества, сравнимые с ними.

Такие причины, на взгляд многих апологетов «железной руки», являются достаточными поводами для введения различных ограничений прав и свобод человека и гражданина. Вынуждено, заметим, что «страх перед угрозами» это плохой советчик.

В этой связи возникает проблема их статуса в действующей системе российского права, ведь то, как государство относится к вопросу об ограничении прав и свобод своих граждан, в каких пределах, и при каких условиях оно может пользоваться признаваемым за ним правом на дерогацию, является важным критерием зрелости государства и общества.

Международные договоры о правах человека разрешают государствам-участникам вводить при определенных условиях правовые нормы, ограничивающие применение некоторых прав, а также в случае возникновения на их территории чрезвычайных обстоятельств, отступать от выполнения взятых на себя международных обязательств по защите прав человека и основных свобод и приостанавливать действие их национального законодательства в этой области. Дерогационные меры принимаются только в той степени, в какой этой необходимо государству в интересах его безопасности, но они не должны противоречить обязательствам, вытекающим из общего международного права.

Нормы, позволяющие ограничить действие некоторых прав человека, вводятся с целью установить равновесие между правами отдельных лиц и интересами общества и государства в целом, а также в том случае, когда между ними могут возникнуть противоречия. Международное право исходит из того, что только закон может ограничить права граждан.

На первый взгляд, требования кажутся простыми. Однако применяемая в документах терминология не имеет однозначного толкования и нуждается в дополнительных пояснениях. Например, термин «закон», по мнению Европейского суда по правам человека, допустимо применять в широком смысле слова. В этом случае границы прав личности могут устанавливаться не только законом, но и иными нормативными актами, равно как и положениями неписаного права. Такой подход связан с тем, что во многих странах, в том числе подписавших Конвенцию, традиционно важную роль играет прецедентное право, особенно в странах, где нет писаных конституций и применение термина в узком смысле слова, по мнению суда, лишило бы государство-участника Конвенции, в котором преобладает общее право защиты, предусмотренное п. 2 ст. 10, и ударило бы по самим основам правовой системы этого государства. В то же время ЕСПЧ исходит из того, что толковать термины должны прежде всего национальные органы [3, с. 273].

¹ Большой юридический словарь – (Дерогация - частичная отмена старого закона); Словарь иностранных слов - (Дерогация - частичная отмена старого закона). Аналогичное определение и в Юридическом этимологическом словаре.

Таблица возможных нормативных случаев применения дерогационных мер, предусмотренных основными международными договорами о правах человека и Конституцией России

Table of possible regulatory cases of the use of derogation measures provided for by the main international human rights treaties and the Constitution of Russia

№ п/п	Наименование	Статья	Содержание
1	Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948)	ст. 29	<i>Ограничения законом в целях:</i> - признания и уважения прав и свобод других; - удовлетворения справедливых требований морали; - общественного порядка; - общего благосостояния.
2	Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950)	ст. 15	В случае войны или иных чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации. <i>Меры в отступление</i> в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим обязательствам по международному праву. Обязательность информировать Генерального секретаря СЕ о мерах, причинах, сроках действия. В статьях 8 (право на уважение частной и семейной жизни), 9 (свобода мысли совести и религии), 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний и объединений), <i>вмешательство (ст. 8), ограничения (ст.ст. 9, 11), ограничения или санкции (ст. 10)</i> предусмотренное законом в интересах: - национальной безопасности (ст.ст. 8, 10, 11); - общественной безопасности (ст. 9); - общественного порядка (ст.ст. 8, 9, 10, 11); - территориальной целостности (ст. 10); - экономического благосостояния страны (ст.ст. 8); - в целях предотвращения беспорядков и преступлений (ст.ст. 8, 10, 11); - для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (ст.ст. 8, 9, 10, 11); - обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (ст. 10).
3	Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966)	ст. 4	Во время ЧП в государстве, при котором жизнь нации под угрозой и о наличии которого объявляется. <i>Меры в отступление</i> в такой степени, в какой это требует: - острота положения, при условии, что они не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Обязанность информировать другие государства, через посредство Генерального секретаря ООН о мерах, причинах, сроках действия.

4	Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (16 декабря 1966)	ст. 4	<i>Ограничения</i> законом и исключительно с целью: - общего благосостояния.
5	Американская конвенция о правах человека (22 ноября 1969)		Во время войны, общественной опасности или других чрезвычайных обстоятельств, которые угрожают независимости и безопасности государства. <i>Меры в отступление</i> в такой степени и на такое время, какие точно требуются: - остротой ситуации, при условии, что они не влекут дискриминации на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Обязанность информировать другие государства, через посредство Генерального секретаря ОАГ о мерах, причинах, сроках действия.
6	Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению (Копенгаген, 29 июня 1990)	п. 24	<i>Ограничения</i> законом как это предусмотрено графами №№ 1, 3, 4. Ограничение должно быть строго соразмерно предназначению закона.
7	Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995)		В период войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего высшим интересам каждого из Договаривающихся государств <i>Меры в отступление</i> только в той степени, в какой это требуется: - серьезность положения, при условии, что они не влекут дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то: пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного и должностного положения, места рождения или иного обстоятельства. Обязанность информировать депозитария о мерах, причинах, сроках действия.
8.	Конституция Российской Федерации	ст.55 ст. 56	Права и свободы граждан могут быть <i>ограничены</i> федеральным законом в целях: - защиты основ конституционного строя; - нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц; - обеспечения обороны страны и безопасности государства. В условиях чрезвычайного положения федеральным конституционным законом могут устанавливать <i>отдельные ограничения прав и свобод</i> : - для обеспечения безопасности граждан Обязательное указание пределов и срока действия таких ограничений

Другим термином является термин «необходимость». В 1988 г., опираясь на ряд прецедентов, ЕСПЧ суммировал критерии понятия «необходимость» и пришел к заключению, что оно может быть связано только с острой общественной потребностью вмешаться в права личности, поэтому ограничения, которые накладывает государство, должны быть соразмерны соответствующим интересам как личности, так и общества в целом (по терминологии Суда, «соразмерны законной цели»). Рассматривая дела, Суд выясняет степень серьезности вмешательства в права индивида и взвешивает относительный ущерб, который мог возникнуть вследствие того или иного решения, для лица и для государства [4, с. 81].

Другими словами, любые ограничения в области прав человека должны быть оправданными. Поэтому они должны быть соразмерны той цели, которая преследуется этими ограничениями. В свою очередь цель определяется в соответствии с положениями, закрепленными в международных соглашениях, Конституции. При этом, должна учитываться как цель, которая преследуется ограничением (в этом случае играет роль ценностное содержание «пограничного» права или интереса), так и цель существования и реализации права, которое ограничивается.

Четыре статьи Конвенции о защите прав человека и основных свобод непосредственно регулируют ограничение прав человека: *отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях* (ст.15); *ограничение на политическую деятельность иностранцев* (ст. 16); *запрещение злоупотребления правами* (ст.17); *пределы использования ограничений в отношении прав* (ст. 18).

Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях

В соответствии со ст. 15 Конвенции в пользовании правами и основными свободами человека может иметь место только отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях – «в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих нации». Такие отступления недопустимы только в отношении специально оговоренных прав в п. 2 ст. 15 Конвенции: права на жизнь (ст. 2), (за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий); запрещения подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (ст. 3); запрещению содержать в рабстве или подневольном состоянии (п. 1 ст. 4) и наказания исключительно на основании закона (ст. 7). Это указывает на вполне конкретные пределы возможного ограничения прав человека. «Любая из Высоких Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, исчерпывающим образом информирует Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также ставит в известность Генерального секретаря Совета Европы о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме»¹.

Статья 15 позволяет государствам ограничить осуществление некоторых прав, предусмотренных Конвенцией, но только при наличии ряда строго определенных и чрезвычайных обстоятельств, а также при условии, что такие меры не противоречат обязательствам по международному праву².

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

² Так, в деле ГРЕЦИЯ против Великобритании (1969 г.), Европейская Комиссия по правам человека (действовала в 1955-1998 гг.) уточнила, что термин «чрезвычайное положение» содержит в себе понятие серьезной опасности и потому для применения ст.15 Конвенции необходимо наличие следующих условий: 1) опасность должна быть реальной или неминуемой; 2) ее последствия должны угрожать всей нации; 3) под угрозой должно находиться продолжение организованной жизни общества; 4) кризис или опасность должны носить исключительный характер в том смысле, что обычные меры или ограничения, допускаемые Конвенцией для сохранения безопасности, здоровья и порядка, являются недостаточными. Таким образом, для установления «чрезвычайного положения» должны быть в соответствии с конвенционными нормами достаточные доказательства того, что такие условия действительно существуют.

Некоторые страны-члены Совета Европы – Великобритания, Ирландия, Греция, Турция и другие, вынужденные воспользоваться правом на дерогацию, ссылались в своих действиях именно на ст. 15 Конвенции.

Так, правительство Великобритании, учитывая сохранявшуюся угрозу терроризма и сложившуюся ситуацию в Северной Ирландии, пришло к мнению о необходимости продолжения практики проведения особых арестов и задержания лиц, обусловленной чрезвычайными обстоятельствами. Используя возможность применения ст. 15 Конвенции оно информировало в полном объеме Генерального секретаря Совета Европы о мерах, ведущих к отступлению от своих обязательств по Конвенции в соответствии с ее п. 3 ст. 5 с 23 декабря 1988 г. по 23 марта 1989 г. (Резолюция Комитета министров Совета Европы (90) 23 от 24 сентября 1990 г.). Правительство Великобритании пошло на такой шаг вскоре после принятия ЕСПЧ решения по делу БРОУГАН и другие против Великобритании (1988 г.), в котором указывалось на недопустимость в период расследования задержания на длительные сроки без доставки к судье лиц, даже по подозрению их в причастности к террористической деятельности. ЕСПЧ признал в решении от 29 ноября 1988 г., задержание соответствующими органами Великобритании названных заявителей на длительный срок без доставки к судье является нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции¹.

Для России опыт ряда европейских стран может быть востребован в случае возникновения напряженной ситуации в некоторых регионах страны.

Конституция РФ в п. 1 ст. 56 указывает: «В соответствии с ФКЗ могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и сроков их действия». В п. 3 этой же статьи перечисляются 16 конституционных статей, содержащих такие права и свободы, которые не подлежат ограничению. Этот перечень прав во многом совпадает с названным выше аналогичным перечнем прав ст. 15 Конвенции для тех же целей.

Запрещение злоупотреблений ограничениями в отношении прав

Конвенция и ЕСПЧ указывают на недопустимость превышения пределов введения ограничений в пользовании правами и на незаконность злоупотреблений ими.

В ст. 17 Конвенции государствам, группам или отдельным лицам запрещается «заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции». То есть, речь идет о запрещении злоупотреблении правами на отмену или ограничение прав. Из статьи следует, что предел в ограничении прав может быть нарушен государством (в этом случае обвинение против него выдвигается лицом или группой лиц) и группой или отдельным лицом (тогда против них выдвигается обвинение государством). Статья 17 может применяться только в связи с нарушением прав, которые гарантированы другими статьями Конвенции.

Хотя российское законодательство не содержит аналогичного запрета, но положение ст. 17 Конвенции должно учитываться при разработке и принятии законов, регулирующих пользование правами.

Пределы использования ограничений в отношении прав

В то время как ст. 17 устанавливает, как бы возможные пределы отступления и изъятия конвенционных прав, ст. 18 определяет нормативные рамки – пределы использования ограничений в отношении прав. Ограничения «не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены». В российском законодательстве нет общей статьи о пределах ограничения прав. Ст. 18, как и ст. 17, может рассматриваться только в сочетании с одним из нормативных прав, изложенных в Конвенции.

¹ European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 29 November 1988 (Brogan and Others / UK). Series A. No. 145-B, p. 33-34, par. 62.

В п. 2 ряда статей Конвенции прямо предусмотрены пределы пользования правами и свободами и включены конвенционные ограничительные обоснования. Такие ограничительные положения введены при предоставлении права на неприкосновенность жилища и тайны переписки (ст. 8), свободы мысли, совести и религии (ст. 9), свободы выражения мнения (ст. 10), свободы собраний и объединений (ст. 11), а также свободы передвижения (п. 3 и 4 ст. 2 Протокола № 4).

Поскольку при применении этих положений часто возникали определенные трудности: считать ли основания для ограничений, перечисленных в вышеназванных статьях, исчерпывающими или государство имеет широкие полномочия по ограничению действий отдельных лиц, по крайней мере некоторых групп таких лиц (например, в отношении заключенных, бродяг), – эти вопросы стали предметом рассмотрения ЕСПЧ при принятии решений по ряду дел. Суд признал, что, поскольку государство может рассматривать положение данного лица как члена определенной группы, что означает признание данного фактора при ограничении его прав и свобод, оно тем не менее должно действовать законным образом в пределах ограничительных положений соответствующих статей Конвенции¹.

Чтобы государства не злоупотребляли полномочиями, которые основывались бы на таком широком объяснении, Европейская комиссия установила правило «строгого толкования». Так, при рассмотрении дела «САНДИ ТАЙМС» против Великобритании (1979 г.) Комиссия в своем решении констатировала: «Строгое толкование означает, что никакие другие критерии, помимо тех, что упомянуты в положении об оговорке, не могут быть основанием для каких-либо ограничений, и что эти критерии, в свою очередь, должны быть истолкованы таким образом, чтобы смысл слов не был расширен по сравнению с общепринятым значением»².

Любые отступления от соблюдения прав Конвенции должны быть убедительно мотивированы, сопряжены «с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом», отвечать конвенционным ограничительным обоснованиями.

В статьях Конвенции, содержащих ограничительные положения (ст.ст. 8, 9, 10, 11), употребляются выражения «предусмотрено законом» и «установлено законом». ЕСПЧ в деле МЭЛОУН против Великобритании (1984 г.) установил требования, которые должны предъявляться к определению того, была ли соблюдена законность в соответствии с Конвенцией при рассмотрении дел, связанных с нарушениями прав человека. Такими требованиями являются: достаточная доступность закона – любой человек должен иметь возможность получить все необходимые сведения о применимости соответствующих правовых норм к его делу; достаточная точность изложения норм закона и их предсказуемость – любой человек смог бы отнести свои действия с нормами закона, и осуществление государством своих полномочий в соответствии с законными целями³.

¹ Эта позиция нашла подтверждение в деле О БРОДЯЖНИЧЕСТВЕ (против Бельгии) (1972 г.), а также в деле ГОЛДЕР против Великобритании (1975 г.). См.: European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 10 March 1972 (De Wilde, Ooms & Versyp/Belgium). Series A. No.12, p.36, para.65.

² European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 26 April 1978 (Sunday Times/UK). Series A. No. 30, p. 31, par. 49.

³ European Court of Human Rights: Judgments and decisions. – Stasbourg. 2 August 1984 (Malone/UK). Series A. No. 82, p. 31, par. 66.

В деле МЭЛОУН против Великобритании, Суд пришел к выводу, что правовые нормы Великобритании, регулирующие прослушивание телефонных разговоров, носят слишком неопределенный характер, чтобы соответствовать закону, и потому заявил: «Нормы, устанавливающие неограниченное поле вмешательства для исполнительной власти, противоречат принципу верховенства права. Для того, чтобы обеспечить отдельным лицам соответствующую защиту от произвольного вмешательства, в законе должны быть достаточно четко определены объем и порядок осуществления возможного вмешательства компетентных властей, с учетом обоснования законности данной меры».

В Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в РФ признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; государственная защита прав и свобод человека и гражданина в РФ гарантируется (статьи 1, 2, 17, 18, 19 и 45 Конституции РФ). При этом, по смыслу статей 45 (часть 1), 55 (часть 1), 71 (пункт «в»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции РФ, государство обязано соблюдать и защищать не только права и свободы граждан, непосредственно закрепленные Конституцией РФ, но и производные от них другие права и их гарантии, приобретаемые на основании федерального закона.

Закрепленный в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ принцип возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях обеспечения обороны и безопасности государства, содержит требование разумной достаточности применяемых мер, которые могут осуществляться только в такой степени, в какой это требуется острой обстановкой, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с обязательствами России по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения, а также не предусматривают ограничения прав и свобод, перечисленных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, которые не могут ограничиваться ни при каких обстоятельствах, в том числе в условиях чрезвычайного положения.

Это означает, что даже в условиях чрезвычайного положения никто не может быть лишен права на жизнь, ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, не может быть нарушена неприкосновенность частной жизни гражданина, личная и семейная тайна, свобода совести и вероисповедания, свобода предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также иные содержащиеся в указанных выше статьях Конституции права и свободы [5, с. 18].

Для современного развития России толкование норм международного права на derogation, применяемые в нем основания и пределы ограничения прав имеет большое юридическое и практическое значение. В случае введения в стране или отдельных ее регионах чрезвычайного положения защита прав человека, пусть с некоторыми изъятиями, диктуемыми особыми обстоятельствами, все равно относится к числу международных обязательств государства.

Большинство современных кризисов являются конфликтами «нового поколения» – внутренними по сути, но создающими угрозу международной безопасности.

Необходим серьезный критический и продуктивный анализ существующих правовых реалий, рисков и угроз. Реалистичный выход из создавшегося положения лежит в ювелирной гармонизации сложных двуединых задач: свободы и необходимости, свободы и безопасности, свободы и социально-правового регулирования (контроля), эффективности и гуманности, эффективности противодействия возникающим угрозам безопасности и строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека в каждой стране и в мире в целом.

Список источников

1. Малеев Ю. Н. Дерогация в современном международном праве // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 18–21.
2. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе // Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6.
3. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: МНИМП. 1998. 600 с.

4. Свинарски К. Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты человека. М.: Права человека, 1997. 71с.

5. Крылов Б. С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 13–25.

References

1. Maleev Y. N. Derogation in modern international law. *Eurasian Law Journal*. 2012;2(45):18–21. (In Russ.)

2. Gradovskiy A. D. *National question in history and literature*. St. Petersburg. 1901;(6). (In Russ.)

3. Gomien D., Harris D., Zwaak L. *European Convention on Human Rights and the European Social Charter: Law and Practice*. Moscow; 1998. 600 p. (In Russ.)

4. Svinarski K. *Basic Concepts and Institutions of International Humanitarian Law as a Human Protection System*. Moscow: Human Rights; 1997. 71 p. (In Russ.)

5. Krylov B. S. Problems of equality and equality in Russian constitutional law. *Journal of Russian Law*. 2002;(11):13–25. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Л. Хабачиров – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики, доцент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, и.о. директора ГКУ КБР «Государственное юридическое бюро».

Information about the author

M. L. Khabachirov – Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Kabardino-Balkarian Republic, Associate Professor of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Acting Director of the State Institution of the KBR «State Law Bureau».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.